

Яков Маркович Окунев

Грядущий мир: 1923-2123

Яков Окунев

Грядущий мир: 1923-2123

«Public Domain»

1923

Окунев Я. М.

Грядущий мир: 1923-2123 / Я. М. Окунев — «Public Domain»,
1923

«– Алло!– Алло! У телефона профессор?– Да, я – Моран. Что угодно?– Я – Викентьев.– Викентьев? Не имею понятия... Впрочем... Ага! Это о вас говорил профессор Звягинцев?– Я самый...»

Содержание

Часть первая	5
I. аз профессора Морана	5
II. Профессор Моран усыпляет Викентьева	11
III. На дне океана	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Яков Окунев

Грядущий мир 1923 – 2123

Утопический роман

Часть первая

І. аз профессора Морана

- Аллю!
- Аллю! У телефона профессор?
- Да, я – Моран. Что угодно?
- Я – Викентьев.
- Викентьев? Не имею понятия... Впрочем... Ага! Это о вас говорил профессор Звягинцев?
- Я самый...
- Ну?
- Я согласен.
- Вы посвящены во все? Вы не боитесь? Твердо решили?
- Да, профессор.
- У вас нет ничего, что связывало бы вас? Ведь это на двести лет. У вас нет близких?
- У меня нет никого. Разрешите прийти к вам.
- Хорошо. Сегодня между шестью и восемью. Не раньше и не позже. Адрес...
- Я знаю. Мне сказал профессор.
- Жду.
- До свиданья, профессор.

Отбой. В разных концах огромного города два человека почти одновременно положили телефонные трубки.

Викентьев – высокий и плоский, узкие плечи, лицо тусклое, серое, точно покрыто пылью, на впалых щеках пламенные пятна лихорадки, глаза горят беспокойным блеском.

Профессор Моран – жизнерадостный, звонкий катышек, словно налит ртутью; черные волосы на висках припудрены сединою, усы подстрижены по-английски и прохвачены изморозью, но черные агатовые глаза живы и молоды.

В кабинете профессора пахло сигарой, плыли и таяли опаловые кольца дыма. Но что это за странный, едва уловимый аромат? Эфир? Или, может быть, хлороформ? Тошноватый вязкий запах. Но в этом запахе примешан запах каких-то цветов, как будто ландышей, только сильнее, гуще. Он не неприятен, этот запах, немного пьянит и вызывает легкое головокружение.

У дверей в соседнюю комнату, задернутых серой суконной портьерой, этот запах сильнее, ощутимее. Это не только запах – это холод. Холод струится из-за портьеры, как будто там за дверьми ледник. И когда разговаривают у этих дверей, из-за них отдается глухой отголосок. Может быть, там пустой холодный огромный зал?

Три месяца тому назад в одной очень распространенной газете сделали шум. Под крупным заголовком было напечатано вот что:

✋ ПОРАЗИТЕЛЬНОЕ ОТКРЫТИЕ! ✋
НАШ ИЗВЕСТНЫЙ УЧЕНЫЙ
ПРОФЕССОР МОРАН
РАБОТАЮЩИЙ НАД ОПЫТАМИ АНАБИОЗА
ОТКРЫЛ ОСОБЫЙ ГАЗ
КОТОРЫЙ, ПО ИМЕЮЩИМСЯ У НАС СВЕДЕНИЯМ,
ПОЛОЖИТ НАЧАЛО ПОРАЗИТЕЛЬНОЙ ЭРЕ В НАУКЕ.

ПРИ ПОМОЩИ ГАЗА ПРОФЕССОРА МОРАНА
МОЖНО ПОДВЕРГНУТЬ АНАБИОЗУ НЕ ТОЛЬКО ЛЯГУШЕК
И РЫБ, НО И ВЫСШИЕ ОРГАНИЗМЫ, ДАЖЕ ЧЕЛОВЕКА.

НО ЧТО ЕЩЕ БОЛЕЕ ПОРАЗИТЕЛЬНО
НАХОДЯЩЕЕСЯ В СОСТОЯНИИ АНАБИОЗА ЖИВОТНОЕ
ВОЗВРАЩАЕТСЯ К ЖИЗНИ САМО СЕБЮ
БЕЗ ПОСТОРОННЕГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА
В ЗАРАНЕЕ ОПРЕДЕЛЕННЫЙ, ТОЧНО РАССЧИТАННЫЙ СРОК
ПРИ ЧЕМ СРОК МОЖЕТ БЫТЬ ВЯТ ДЛЯ АНАБИОСТИЧЕСКОГО
СОСТОЯНИЯ КАКОЙ УГОДНО
В НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ И НЕСКОЛЬКО СТОЛЕТИЙ.

Профессор возмущен. Весь день телефонные звонки! Корреспондент такой-то газеты извиняется за беспокойство, но... Профессор бросает трубку. У подъезда – господин в котелке, с портфелем. Поклон, улыбка собаки, ждущей подачи. Господин не задержит профессора. Несколько слов... Открытие профессора очень интересует прессу. Не окажет ли профессор любезность?.. В интересах науки... Профессор вскакивает в пролетку первого попавшегося извозчика и называет вымышленный адрес.

Потом – эти письма! Дождь писем! Разочарованная дама не видит никакого смысла в жизни среди современных условий и потому желала бы... Поэт страстно желает взглянуть в тайну грядущего, и если анабиоз не опасен для здоровья, то... Анархист, неспособный на компромиссы, не мирится с подавлением личности, а в царстве будущего... Делец предлагает выгодное дело на широких началах...

В корзину, в корзину все эти idiotские письма!.. Но их поток не прекращается, он растет, это какая-то бумажная Ниагара!..

Профессор убедительно просит редакцию напечатать опровержение. Заметка о газе является плодом недоразумения. Профессор Моран работает десять лет над вопросом об анабиозе, но пока дело дальше лабораторных опытов не пошло, преждевременно говорить о каком-либо значительном открытии.

Из редакции отвечает звонкий молодой тенор. Ах, это профессор Моран? Сам профессор? Тысячу извинений! С профессором говорит помощник редактора. Сию минуту подойдет редактор. Через минутку в телефоне гремит бас. Не разрешит ли профессор лично редактору – лично! – заехать к нему по поводу опровержения? Зачем? Редакция располагает авторитетнейшими данными в доказательство того, что заметка о газе не выдумка...

Трубка с грохотом падает на крючок аппарата. Профессор посылает редактора к черту.

Самое неудобное обстоятельство во всей этой истории, – что профессор знает, где зарыта собака. Если хочешь сохранить тайну, не следует делать докладов даже в таком кружке специалистов, даже под условием сохранения тайны.

После короткого разговора по телефону с редактором, профессор Моран выпалил наедине в своем кабинете весь свой наличный запас крепких выражений, выкурил одну за другой две сигары и решил, что дело, в сущности, не стоит выеденного яйца.

– Я – Викентьев.

– Отлично. Вы аккуратны. Садитесь в это кресло. Курите? Нет? Прекрасно!

У профессора зажжена кабинетная лампа. Она поворачивается вот так. Вся комната пропадает в темноте, свет золотит только один угол и выхватывает из этого угла лицо Викентьева.

Из темноты хорошо видно, что у Викентьева суровый рот. Тоненький алый шнурочек губ сбегает по краям вниз. Иногда он дрожит, этот шнурочек, дергается в легкой судороге, чуть-чуть размыкается и показывает ровный белый ряд зубов. Этот человек не умеет смеяться.

Профессор делает вывод:

– Отлично! Очень...

И потирает свои маленькие сухие ручки, точно умывая их.

– Вы хорошо взвесили?

Викентьев вздергивает узкими плечами и перебивает профессора:

– Я уже говорил вам об этом. Взвесил! Обдумал! Решил!

– Вы никому не говорили?

– Мне некому сказать. Я совсем одинок. Как в пустыне... Алый шнурок крепко сомкнулся. Синие утомленные веки опустились и закрыли на минуту глаза.

– Очень хорошо, господин Викентьев. Но, может быть, вы хотите знать, насколько гарантирована ваша жизнь?

Профессор ошибся. Этот человек иногда смеется. Но какой смех! Оскал зубов. Несколько коротких, хныкающих звуков:

– Хмы-хмы! Через двести лет? Не все ли равно?

У стены стоит большой дубовый шкаф. Профессор возится у шкапа и подает Викентьеву сначала шубу, потом шапку с наушниками, потом противогазную маску:

– Наденьте это.

– Зачем?

– Мы пойдем в лабораторию. Я покажу вам опыт, чтобы вы убедились... то моя нравственная обязанность.

Профессор тоже напяливает на себя шубу и шапку, и становится еще круглее.

– Маски пока не надевайте, – говорит он. – Возьмите ее с собой.

За тяжелой портьерой – дверь, обитая войлоком и клеенкой. Там, за этой дверью, такой холод, что как только профессор открывает ее, седые облака пара врываются в кабинет.

Поворот выключателя. Вспыхивает люстра на потолке и льет мертвый, синий, как пламя спирта в темноте, свет.

Среди столов со стеклянными ящиками, среди огромных тонкогорлых бутылей и металлических цилиндров, среди путаницы ремней, соединяющих маленький динамо с нагнетательными приборами, среди банок, колб, среди змеевидных, спиральных, дугообразных трубок – среди всего этого хаоса – тесно.

Горючие глаза Викентьева скользят с предмета на предмет и вдруг впиваются в огромную гробницу, занимающую чуть ли не половину лаборатории. Точно два факела горят теперь глаза Викентьева.

Боковые стенки гробницы из какого-то черного гладкого металла, верхняя крыша – прозрачна. Гробница наполнена голубовато-молочной мутью.

На передней стенке серебряная дощечка. На ней выгравировано:

ЕВГЕНИЯ МОРАН.
20-ти лет.
20 апреля 19 . . . г. в Москве подвергнута анабиозу проф.
Мораном.
Срок анабиотического состояния истекает 20 апреля
21 . . . г., через 200 лет.

Агатовые зрачки профессора потускнели. Глухо и надломленно прозвучал его голос:

– Моя дочка. Была безнадежно больна. . . Туберкулез. . . Через 200 лет она будет жить.

– Но эта болезнь! У меня тоже туберкулез. – Кончики тонких губ Викентьева скорбно опустились вниз.

– Анабиоз убивает бактерии.

Агат в глазах профессора опять заблестел. Голос окреп. Он подошел к гробнице.

– Видите, верхняя пленка гробницы сделана из очень тонкого прозрачного состава. Особое приготовление. Выдерживает колоссальное давление. Здесь двести таких пленок в гробнице герметически припаяны к ее стенкам. Между пленками полевые пространства разной емкости, но не более одного миллиметра в высоту, наполненные газом разной плотности. Чем ближе к крыше, тем емкость полостей больше, тем плотность газа меньше, тем пленки тоньше. Одно из свойств моего газа то, что упругость его растет через определенные, точно высчитанные промежутки времени. Чем плотнее газ, тем быстрее растет его упругость. Значит, в нижних полостях упругость газа растет скорее, а в верхних – медленнее. Итак, что произойдет через год после начала анабиоза? Через год упругость газа в самой нижней полости будет такова, что под давлением газа снизу, первая пленка разлетится в мельчайшую пыль. Действие давления газа на вторую пленку рассчитано на 2 года, на третью – на три года и так далее. Значит: верхняя пленка лопнет ровно через 200 лет. Точка в точку! Высчитано! Проверено! Как часы! Ни минуты опоздания!

Глазки профессора метали огненные стрелы. Он бегал вокруг гробницы и размахивал, как крыльями, своими коротенькими ручками.

Викентьев разжал свои тонкие губы и чуть-чуть улыбнулся. В глазах его был вопрос.

– Ну? Ну? – спросил профессор. – Для вас что-то неясно?

– Да. Как же она живет?

– Вы слышали о жидкости Локка? Нет? Еще в 1895 году Лангендорфу удалось восстановить деятельность сердца, вырезанного из организма животного, путем пропускания в сосуды жидкости Локка. Рут усовершенствовал этот способ. Жидкость Локка состоит из солей и виноградного сахара, подходящих по составу к кровяной сыворотке. Она насыщается кислородом, подогревается до 37–39° и проникает по трубочке через аорту в венозные сосуды сердца; мышцы сердца, получив необходимую им пищу, начинают сокращаться. Сердце начинает биться и гнать кровь по венам и артериям.

– Но факты! Факты! – перебил профессора Викентьев, кривя свой тонко-алый шнурочек...

– Сколько угодно, мой милый. В 1902 году русский физиолог, профессор Кулябко, вырезал сердце из кролика через 14 часов после его смерти. При помощи Локковской жидкости сердце было возвращено к жизни и проработало 3 часа. Его положили в лед. Через 46 часов его опять оживили. Тот же ученый вырезал сердце умершего от удушения трехмесячного ребенка и через двое суток оживил сердце. В 1905 году Геринс и Денеке оживили сердце взрослого человека. Доктор Соловцов в Москве пошел дальше: он оживил кишечник трупа – кишечник переваривал пищу.

– Но пока мозг мертв, трудно добиться полного оживления, – возразил Викентьев.

– Правильно! Извольте! Куссмауль, Теннер, Мейер и Броун-Секкар добились оживления нервной системы. Вот сказочный невероятный опыт Броун-Секкара. Он отсек голову собаки, затем восстановил в отсеченной голове кровообращение. Голова ожила. Когда собаку назвали по имени, глаза ее – в отсеченной голове, повернулись в сторону зовущего. Профессор Андреев в Москве удушил собаку. Через 20 минут после ее смерти он начал вливание Локковской жидкости в ее артерию, ведущую к сердцу. Началось сокращение сердца, потом биение пульса, потом дыхание и, наконец, животное ожило. Андреев проделал ряд таких опытов, и все они дали удачные результаты. Итак, пока организм не подвергался разложению, его можно оживить¹.

– Еще один вопрос, – заметил Викентьев. – Из вашего объяснения видно, что для оживления необходима посторонняя помощь. Кто же через 200 лет оживит вашу дочь, меня?

– Слушайте внимательно! В углу гробницы находится металлический бидон, соединенный трубочкой с телом. В бидоне бутылка, наполненная усовершенствованной жидкостью Локка и насыщенная кислородом. Стенку бутылки облегчает особая ткань, абсолютно не пропускающая тепла и сохраняющая, таким образом, температуру жидкости, нагретой до 39 градусов. В трубочке – кран. В момент соприкосновения с внешним воздухом, сжатый воздух, находящийся в трубочке, открывает кран. Трубка соединена с сосудами сердца. Жидкость проникает в сердце. Оно начинает биться. Жизнь восстанавливается. Часовой механизм, находящийся у места соединения трубочки с телом, обрезаем ее и закупориваем ранку. Поняли? Э, да вы умеете улыбаться!

Да, Викентьев улыбался. Широкая возбужденная улыбка. Две алые розы горят на щеках.

– Профессор! Это похоже на чудо!

– Ну, вот еще! Сейчас я покажу вам настоящее чудо.

– Пожалуйте сюда, налево.

– Есть!

– Видите эту маленькую гробницу?

– Да! В ней как будто находится собака?

– Это мой песик Неро. Анабиоз на 5 лет. Сейчас мы прервем анабиоз. Наденьте маску и не раскрывайте рта.

---

¹ Все приведенные опыты оживления не представляют собой вымысла автора (Прим. ред. оригинального изд.).

– Готово!

Профессор пускает в ход электрический вентилятор в стене над окном. Потом берет большой пудовый молот, и с размаху опускает его на крышку гробницы. Еще удар, еще. Глухой звук и крыша разлетается. Газ со свистом вырывается из гробницы. В голубовато-молочной мути тускнет свет люстры. Мороз колет острыми иглами лицо, щиплет руки, струится холодным потоком под шубу. Газ ревет, вырываясь через вентилятор на улицу. В ушах больно, давит на мозг сжатый воздух.

Профессор следит за манометром. Ртуть в манометре медленно спадает. Становится легче. Теплеет.

– Снимите маску.

Торопливыми движениями профессор снимает ткань с животного. Большой белый пудель лежит, вытянув передние лапы и уткнув в них морду. Резиновая трубка струит жидкость в сердце. Профессор прикладывает к сердцу собаки слуховую трубку и приникает к ней своим розовым ухом. Через пять минут его напряженное лицо светлеет. Он передает трубку Викентьеву.

– Послушайте-ка!

Едва уловимые толчки. Сердце бьется. Еще пять минут, и в слуховую трубку проникает шум пробуждающихся легких. Собака чуть-чуть открывает пасть. Между сжатыми зубами трепещет розовый треугольник языка. Черная кожица носа начинает лосниться от слизи. Размыкаются узкие щелки глаз, и они загораются, точно искры снега.

– Неро!

Глаза собаки раскрыты, мутные, затянутые опаловой пленкой.

– Неро! Неро!

Пленка тает. Зрачок дрожит, поворачивается к профессору. Слабое движение хвоста.

– Неро! Сюда!

Все туловище собаки трепещет. Хриплый звук. Еще. Звук яснее.

– Р-р-р! Г-гав!

– Сюда! Сюда!

Собака с усилием встает на слабые, дрожащие лапы. Резиновая трубки отпадает. Собака поворачивает голову, высовывает красный лоскут языка и лижет ранку под пахом левой передней лапы.

– Сюда! Неро, сюда! – хлопает себя по колену профессор. Она соскакивает на пол и, еще слабая, идет, шатаясь, за профессором.

II. Профессор Моран усыпляет Викентьева

Сегодня агатовые глаза профессора полны беспокойства. В кабинете все утонуло в сизом сигарном дыму. Профессор мечется. Топ-топ-топ, – дробно стучат его каблукы по паркету. Подбежал к телефону. В нетерпении стучит ладонью по вилке аппарата.

– Барышня! Наконец-то! 35–26. Благодарю.

Минуты две ожидания. Пуф-пуф – вылетают клубы дыма из сложенных красной трубочкой, губ профессора.

– Это я, Моран. Позовите Константина Петровича. Его жена? Константин Петрович ушел ко мне? Очень хорошо.

Викентьев сидит в кресле, вытянув свои длинные ноги. Сзади, в окно, бьет солнце и обводит его фигуру огненным шнурком. Он опустил свои голубоватые веки и свесил руку, синюю, со вздувшейся жилкой. Совсем мертвое лицо, бледное, с шафрановым оттенком на лбу и висках.

– Один ассистент уже вышел из дому. Второй пропал где-то.

Викентьев раскрывает веки, тускло смотрит на сюртук профессора.

На сюртуке профессора дрожит золотая рябь – отблеск пылающего окна, и неожиданно спрашивает:

– Через двести лет... Будет ли тогда солнце таким же пылким?

Профессор рассеянно слушает его; он занят своей тревогой.

– Через двести лет, мой друг... Куда же делся этот неряха Малахов? Экая неаккуратность!.. Вы о чем-то спрашиваете, Викентьев?

– Пустое!

Профессор слышит звонок. Топ-топ-топ. – Он у двери. Звякает цепочка.

– Ну, и задам же я вам!.. Ага! И Малахов тут? Вот хорошо, друзья мои!

Малахов фундаментален; широкое лицо цвета сырой говядины в взбитой пене седины волос, усов, бороды – всюду волосы. Они торчат пучками из ноздрей и кустятся над бровями, они растут на руках и на шее. Нос у него туфлей и испещрен синими жилками. Огромный нелепый галстук выскочил из запонки. Мясистые руки прут из манжет.

Ткнув желтым от табаку пальцем с темной каемкой на ногте в Викентьева, спросил:

– Вот это он самый?

– Викентьев. Профессор Малахов, – представляет их друг другу Моран.

Монумент мотает своей снежной головой:

– Ладно!

И, сопя, садятся на кушетку, которая скрежещет под его тяжестью всеми своими пружинами.

Звягинцев, Константин Петрович, – как будто только что был в парикмахерской. Пахнет одеколоном; аккуратно выбритые щеки пухлы и розовы; белокурые волосы, зачесанные вверх, блестят. Новенький синий костюм, свежевывутюженные брюки, слеза бриллианта в черном галстуке, лакированные ботинки с желтыми гетрами.

Он весь сверкает. Сияют пенсне, бриллиант, сверкают лакированные ногти. Улыбнулся, – желто блеснули коронки золотых зубов.

– Позвольте представиться – профессор Звягинцев. Щелкнул каблуками, сломался пополам,дохнул на Викентьева мятными лепешками, выпрямился.

Из лаборатории доносится мерное дыхание динамо, пущенного в ход. К нему примешивается свист четырех нагнетательных насосов, накачивающих выработанный газ в баллоны. Двести таких баллонов, точно артиллерийские снаряды, с газом стоят в кладовой, рядом с лабораторией. Уже приготовлен металлический ящик и двести пленок.

Тонкий алый шнурочек губ горяч и сух. Тревожно мечется сердце. Неожиданные мысли: будет ли через двести лет Москва, Россия? Отчего сегодня так жалко солнце? Завтра Викентьев не увидит его. Двести лет оно не будет существовать для него. Небытие на двести лет. Что такое небытие? Сон? Тьма? Нет, ни сон, ни тьма, а что-то такое вне человеческого представления.

Из-за портьеры высунулась голова профессора Морана.

– Готово. Идите в лабораторию.

Ноги словно из ваты. В голове назойливо звенит мотив какой-то песни.

Этот белый операционный стол и три профессора в белых халатах. Больничный запах карболки и эфира. У профессора строгий, ледяной вид.

– Разденьтесь, Викентьев.

Неслушающимися пальцами Викентьев неловко и медленно раздевается. Желтое худое тело в зябких пупырышках. Неприятно смотреть на свои ноги с изуродованными обувью пальцами.

– Лягте на стол. Так. Вытянитесь.

Изящный Звягинцев трудится над Викентьевым, вытирая его тело губкой со спиртом. Малахов, засучив рукава, варит на спиртовке стальной ланцет. Моран смотрит на Викентьева. Его агатовые глазки теплеют.

– Мы сейчас захлороформируем вас. Может быть, вы хотите что-нибудь сказать... передать?..

Викентьев с трудом раскрывает слипшиеся губы. Голос хрипл:

– Мне нечего передать. У меня никого нет. Моран протягивает ему руку:

– Прощайте, милый мой!

Неожиданно наклоняется над ним, дышет запахом сигары и, уколов его щетиной усов, целует в губы. Малахов у спиртовки грохочет.

– Экие нежности! Терпеть не могу!

На лицо Викентьева наложена маска. Вяжущий, сладкий, тошный запах. Далеко, словно из-под подушки, доносится голос:

– Считайте, Викентьев.

– Один, два, три...

Ярко-голубые пятна перед глазами. Тело наливается тяжестью и ленью, становится чужим. В ушах тонкий комариный звон; он становится ярче, звонче, шире, наполняет голову.

– Четыре... пять... шесть...

Язык шершавый, тяжелый. Во рту сладкая слюна. Стол плывет мягкими волнообразными толчками вверх, потом в сторону.

– Пятнадцать... девят-над-цать, – мелет непослушный язык, – двадцать семь...

В засыпающем мозгу слабой искрой затлелся протест: «Зачем? Не нужно! Не хочу!» И потухло.

Малахов серьезен и хмур. Наклонившись над Викентьевым, он работает. Сверкает металл ланцета. Алая струйка пятнит белый стол. Малахов нажимает ранку.

– Прибор! – рокочет он.

Резиновая трубка прибора присосалась к ранке. Моран и Звягинцев торопливо обвертывают тело Викентьева в красный шелк, потом все трое несут его вместе с аппаратом к саркофагу и осторожно опускают на дно.

На передней стенке саркофага просверлено двести отверстий, одно под другим, с клапанами, открывающимися внутрь. На задней стенке – двести отверстий. Клапаны открываются наружу.

Моран и Звягинцев накладывают на выемки внутри саркофага первую пленку. Моран заливает какой-то черной, мгновенно твердеющей массой края первой крышки.

Первая полость готова. Моран привинчивает трубку нагнетательного насоса к крану на передней стенке саркофага. Газ со свистом врывается в полость. Через отверстие на противоположной стенке выпирает воздух. Фигура Викентьева тонет в молочно-голубой мути.

Готово! Кран отвинчен, оба отверстия на стенках запаяны. Накладывают вторую пластинку и повторяют ту же работу.

Четыре дня работают они над гробницей, как простые рабочие. Профессор Моран прикрепляет к стенке гробницы дощечку:

АЛЕКСЕЙ ВИКЕНТЬЕВ.
32 лет.
16 июня 19 . . . г. в Москве подвергнут анабиозу проф.
Мораном.
Срок анабиотического состояния истекает 20 апреля 2 . . . г.,
через 199 лет, 10 месяцев и 3 суток.

Дочь профессора, очнувшись в Мире Грядущего, ни одного дня не будет одинокой: у нее есть спутник в царство Грядущего Мира. Он очнется в один день и в один час со своей подругой, и оба одновременно предстанут перед новым человечеством, как посланцы старого мира.

III. На дне океана

Профессор не любит шума вокруг своего имени. Это мешает ему работать. А между тем, газетчики обладают изумительно тонким нюхом. Они знают обо всем, что делает профессор в тишине своей лаборатории. Они печатают статьи с крикливыми заголовками о его опытах. Где бы ни появился профессор, фотографы-корреспонденты тут как тут, и уже шелкают под самым его носом своими кодаками.

Особенно невыносимо стало в последнее время, после усыпления Викентьева. Непостижимо, непонятно, как это могло случиться! В ряде иллюстрированных журналов появились сенсационные снимки:

«Профессор Моран в своем кабинете с господином Викентьевым».

«Профессор Моран усыпляет г. Викентьева».

«Снимок с гробницы, в которой находится подвергнувший анабиозу Викентьев».

Одна большая влиятельная газета выразила свое возмущение. Опыты профессора Морана граничат с преступлением. Взять взрослого, здорового, полноправного члена общества и подвергнуть его анабиозу! Где гарантии, что эти опыты безопасны для жизни и здоровья? Зачем существует прокурорский надзор?

Прокурорский надзор? Он постучался в двери квартиры профессора в виде скромного посыльного с книгой. Распишитесь в получении повестки от следователя.

В 11 часов утра профессор должен был оторваться от своих занятий и прогуляться в камеру судебного следователя. Следователю угодно знать, известно ли что-нибудь профессору об Алексее Федоровиче Викентьеве, а если известно, то чем он докажет, что над А. Ф. Викентьевым не учинено насилие?

Профессор вытаскивает из бокового кармана белый лист, сложенный вчетверо. Нотариус такой-то удостоверяет, что сего числа г. А. Ф. Викентьев собственноручно, в присутствии нотариуса, подписал настоящий документ.

Итак, насилия не было. Прокурорскому надзору нет никакого дела. Тысяча извинений! Вы свободны.

Скромный следователь сделал свое дело. Но газеты не успокаиваются. Телеграф выстукивает:

– Профессор Моран победил смерть! Величайшее открытие.

Радио разносится по всему миру. Изумительные вести ловят вышки радио-станций:

– Победа над небытием! Газ профессора Морана...

По подводным кабелям, по телеграфным, по телефонным проводам, – везде миллионы раз звучит:

– Профессор Моран...

– Газ профессора Морана... Поэты поют в стихах:

«Кто хочет перескочить через столетия? Кто волен заглянуть в грядущее? Разве это не стало возможностью? Моран сделал человека властелином над вечностью».

И биржа... Какое дело бирже до анабиоза? Но русский профессор Моран открыл ценный газ бессмертия. Русские бумаги идут в Лондоне. Как котируется бессмертие на бирже?

Бессмертие? Позвольте! Разве его нельзя купить за деньги – за марки, за франки, за стерлинги, за доллары? Два миллиардера вызывают по радио профессора. Они желают заказать бессмертие. Сколько угодно франков, фунтов, долларов?

Бессмертие? Коронованные вырожденные создавали подделку бессмертия, путем бальзамирования своей миропомазанной мертвечины.

Министр двора испанского короля напал на великую идею. Он телеграфирует профессору. Его величество на смертном одре. Вся страна истекает слезами. Профессор утешит страну. Бессмертие его величеству – звезду на грудь профессора. А если расширить эту идею до массового заготовления консервированного запаса королей для грядущих поколений?..

Профессор отвечает коротко, точно ударом кнута по коронованной физиономии:

– У меня не похоронное бюро и не консервная фабрика! Его величеству! Магнатам мира! Какая дерзость!

Один из магнатов – нефтяной король. Его рыхлое большое тело, его свиные глазки цвета запыленной стали; его вспухшее лицо, синее, бугристое, изъеденное волчанкой; его оттопыренные, как ручки вазы, красные уши; его яйцевидный блестящий череп – все это, заключенное в пространство между башмаками и цилиндром, носит громкое, известное во всех пяти частях света имя – Эдвард Гаррингсон. Миллионы рабов, насквозь пропитанных нефтью и маслом, несут ему ежечасно, ежеминутно, ежесекундно тысячи долларов. Движением пухлого короткого пальца Эдвард Гаррингсон повергает в панику все биржи мира.

Другой магнат – король свиней. Да, да, у него одна четверть свиного населения мира! Своим существованием он оказывает честь человечеству и смотрит на мир с вышины своего саженого тела, с длинными, похожими на ножницы в брюках, ногами. Путешествуя по Египту, он купил гробницу фараона Аменофиса III. Он привез эту гробницу к себе в Чикаго. Он приказал из этой гробницы сделать для себя ванну. Свиной король принимает ванну в гробнице фараона Аменофиса III.

Разве эти великие люди не достойны бессмертия? Но профессор, очевидно, иного мнения. Он возмущен, черный агат в его глазах пылает. Он мечется по кабинету и дымит, дымит сигарой:

– Свиньи! Когда же они оставят меня в покое, черт бы их всех взял!

Цивилизация имеет свою оборотную сторону. Цивилизация суетлива и криклива.

Идея! Канада! Именно, Канада! Лоно природы в 48 часов езды ох клопочущего мирового центра, от Нью-Йорка. Ну да, ну да, надо уехать в Канаду на время!..

Упакованы гробницы, препараты, приборы и машины, наложена виза на паспорте. Профессор любезен, общителен, разговорчив. Сощурился своими агатовыми глазами, он сообщает корреспондентам Москвы:

– Я еду в Филадельфию. Телеграфисты выстукивают:

– Профессор Моран едет в Филадельфию для продолжения своих опытов.

В Гамбурге профессор горячо жмет руку корреспонденту:

– Уверю вас, что это была газетная утка. Я еду в Чикаго. Необходимо личное присутствие при изготовлении нового прибора для моих опытов.

Радио-станции переключаются:

– Профессор Моран едет в Чикаго...

– ...едет в Чикаго...

– ... в Чикаго...

– ...новый прибор...

– ...профессор Моран...

– ... в Чикаго...

В Лондоне профессор удачно меняет свой паспорт, удачно спасается от корреспондентов, удачно садится на пароход, отправляющийся в Канаду, и едет в Квебек.

А радио продолжает свою переключку:

– ... В Чикаго...

– ...едет в Чикаго...

– ...Профессор... в Чикаго...

Маленькое аспидно-серое облачко, похожее на грибок, выросло над призрачной зеленой гранью между океаном и небом. Сушие пустыки! Небо – васильковое. Океан – в золотых спиралях. Солнце кроет янтарным лаком палубу четырехэтажного «Атланта», зажигает огни на стеклах кают. Ультрамарин, изумруд, золото.

На палубе: равнодушные квадратные лица англичан, итальянские черные миндалевидные глаза; белокурые усы немца, закопченные сигарой; узенькие щелочки, а в них юркие черные жучки – зрачки японца; ленивый серый взгляд славянина; резко сломанный хищный нос грека. Над палубой гул; смешались каркающие, лающие, свистящие, звенящие, чмокающие звуки. Точно ожерелье катится со ступеньки на ступеньку – звенит молодой женский смех.

И везде золото – иглы золота в волосах, нити золота и лохмотьях, золотые слезы в глазах, золото рассыпалось червонцами по палубе.

Аспидно-серое облачко поднялось выше.

Зал первого класса. Тонкий звон стакана, лязг ножей и вилок, позвякивание ложек и чавканье, чавканье... Запах мяса, сигар, вина.

Бритый сизый американец в смокинге положил ноги с огромными квадратными подошвами на столик, опрокинулся назад в кресло, утонул в туче синего дыма. Томно закрыв глаза, он передается пищеварению.

Немец, рябой, как рябчик, от панталон с манжетами внизу до пиджака включительно, шуршит газетой, полулежа на кушетке и задумчиво звенит:

– Три-ди-дам... Дри-ди-ри...

...Аспидно-серое облачко, похожее на грибок, раздуло свою шапку.

Солнце – медь. Красная медь. Медный таз опустился в ультрамарин и расплавил его. Далеко, на грани налившегося кровью неба, вспыхнул расплавленный металл.

Небо налилось густой синевой и засеялось огненной россыпью звезд. Расплавленный металл погас, остыл, потемнел.

В зале I класса тонко поет скрипка. Звонкими капельками вторит пианино. Скрипка поет выше-выше, звук реет над золотым маком, рассыпанным по темно-синему дну опрокинутой чаши неба, замирает где-то страшно высоко. Сухо трещат аплодисменты.

В зале I класса – концерт. А на палубе всех наций, везущих за океан свои руки, гремит духовой оркестр.

«Атлант» режет темно-зеленую грудь океана, взбивает винтами седые вихры на зеленых буграх и несется, сияя четырьмя ярусами желтых глаз.

Профессор перегнулся через перила и смотрит на убегающие пряди волн. Он давно стоит так и давно следит за меняющимися красками моря и неба. Они гаснут, меркнут эти краски: черное крыло расправляется по шире неба и гасит огоньки звезд. Пол под ногами начинает плыть вперед-назад, вперед-назад. Океан вздрагивает, где-то там внизу, шевелится, встряхивается и плюет на палубу соленой пеной. И вот он заговорил многоголосым рокотом, громко и гневно... Темнота липнет к бортам, наливает палубу, дуговой фонарь тускло расплылся желтым, мутным пятном. И еще чернее становится, все пропало в тумане – палуба, трубы, борта: только кусочек места, кусочек перил, сжатый руками Морана, и клочок пола под его ногами мчатся в черную ночь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.